

О КИТАЙСКИХ НАДПИСЯХ НА СКАЛЬНОМ МАССИВЕ У СЕЛА БИЖИКТИГ-ХАЯ В ЗАПАДНОЙ ТЫВЕ

Масумото Т.

(г.Осака)

1. Известно, что со второй половины 19 века русские ученые и путешественники-любители редких вещей начали посещать и осматривать скальный массив близ села Бижиктиг-Хая к югу от Ак-Довурака с изображениями, относящимися к разным периодам. Их вклад в науку заключался в том, что они первыми сделали подробное описание скального массива.

Исследователь наскального искусства, коренной сибиряк Александр Васильевич Адрианов организовал самостоятельную экспедицию в Тыву, получив 600 рублей из Российского Географического Общества и 100 рублей в качестве взноса из "Сибирской газеты". В качестве введения в эту статью, я хотел бы сослаться на описание А.В.Адриановым своих работ на памятнике у села Бижиктиг-Хая, приведенное в книге М.А.Дэвлета. <На высоте нескольких сажен от земли в горе образовалась естественным путем ниша сажени в две с лишком в длину, аршина три вышиною и до полутора аршин в глубину. Задняя и левая боковая стенки ниши, а также потолок совершенно гладки и как будто чем вытерты и вылощены, по крайней мере, блестящие, точно полированные поверхности и скользкие, если проповести пальцами, указывают на это. Задняя и левая стены и потолок ниш исписаны черною краской, но настолько неясно, что с трудом разбирались кое-где отдельные черточки и буквы. Долго я бился над тем, чтоб перенести на бумагу хоть что-нибудь из этих, может быть, очень любопытных надписей; палящие лучи солнца, стоявшего как раз напротив ниши, отражались от блестящей поверхности ее задней стенки и еще более затрудняли работу. Я потерял уже надежду добиться чего-нибудь от этой полунемой скалы и с отекающими руками и онемевшим затылком от запрокинутой назад головы в досаде убрал карандаш и записную книжку, как мне пришла в голову мысль вымыть стенки и вообще смочить исписанные места, чтобы буквы выступили ярче. Но на беду кругом расстилалась пустынная, безводная, голая степь, на которой достать воды невозможно. Недолго раздумывая, я плюнул на стенку, покрытую надписями, и смазал слюну пальцами, - оригинальный способ оживления старых картин и надписей увенчался успехом; к великой радости, я увидел, что несколько букв на смоченном месте выступили отчетливо, точно живые, точно их только что написали: Левая стенка ниши была исписана несколькими вертикальными строчками, но разобрать их мне не удалось, - знаки сильно стерлись. На потолке ниши не видно было никаких следов письма, но я попытался намостить на пол несколько плит и обломков камней и, взобравшись на них, прибегнул к испытанному уже способу оживления надписей; оказалось, что весь потолок был исписан каким-то толстыми буквами, расположенными в 5 или 6 строк, если не ошибаюсь, горизонтального письма: Утешал себя тем, что работал не совсем напрасно, что будущий путешественник, наперед зная место и условия работы, не откажется посвятить один или два дня разбору этих надписей. А они интересны уже потому, что написаны на четырех языках> (Дэвлет М.А., 1996, с.127-129).

Судя по этому описанию, очевидно, что китайские иероглифы нанесены не только на левой и задней стенках, но и даже на потолке навеса ниши. К сожалению, тогда ему не удалось расшифровать буквы, но мы можем оценить, как энергично и упорно он занимался визуальным наблюдением, используя всевозможные приемы на месте. Это

описание А.В.Адрианова позволило нам заранее хорошо подготовиться к нашему первому обследованию в 1999 году.

До исследований М.А.Дэвлет и Л.Р.Кызласова в середине 20 в. (Дэвлет М.А., 1996; Кызласов Л.Р., 1969, с.5-14), село Бижикиг-Хая посетили В.А.Ошурков, С.П.Минцлов, Б.М.Багатырев, но никто из них не написал о наличии китайских букв на скале. Есть только краткое замечание немецкого этнографа и археолога О.Меньхен-Хелфена, который в 1929 году посетил Тыву. Он пишет, что местные жители рассказывали ему, о том, как один инженер-белогвардеец своевольно соскоблил часть из нарисованных изображений, а потом его за это расстреляли. Кроме того, О.Меньхен-Хелфен высказал мнение, что иероглифы были нанесены не ранее чем 300 лет назад (Меньхен-Хелфен О., 1996, с.205). Но сейчас его мнение о датировке кажется неправильным.

Первая серьезная научная расшифровка китайских иероглифов связана с двумя экспедициями Академии Наук в середине 20 в.: экспедицией 1947 г. под руководством С.В.Киселева (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1949, с.124) и экспедицией 1953 г. под руководством А.Д.Грача. Были проведены исследования и опубликованы отчеты, включающие информацию о надписях (Грач А.Д., 1957, с.400-401). В отчете А.Д.Грача впервые была опубликована частичная дешифровка одной из строк с иероглифами, сделанная Р.Ф.Итсом. Он прочитал ее так: <В 17 год правления Чжичжэна [девичьего правления одного из последних императоров юаньской династии] 28 числа 5 месяца: написано> (Грач А.Д., 1955, с.31).

С тех пор расшифровка Р.Ф.Итса цитируется разными авторами в книгах и статьях, и ее уже можно считать общепризнанной. Но в этой статье мы хотим добавить некоторые новые данные, которые были получены в результате исследований 1999 г. и 2000 г. Кстати, следует сказать еще и о том, что часть человеческих изображений, которые местные жители видели еще в начале 1980 г., сейчас уже исчезла из-за соскабливания.

2. Сейчас, как и во времена А.В.Адрианова, очень трудно работать на памятнике: невозможно соорудить надежные подмости. Сложно делать и снимки поверхности скалы с иероглифами, особенно из-за резкого контраста между тенью и светом. Зато на рисунках, которые были сделаны с фотографий (в том числе фотографий в инфракрасных лучах) хорошо видна вся поверхность скалы. Благодаря этому мы можем показать современное состояние ниши и иероглифов.

Ниша глубиной 1,1 м выходит на северо-запад. Ее верхний край выступает наружу, образуя навес. Под навесом есть фронтальная вертикальная стена высотой 0,6-1,0 м, ее гладкая поверхность красно-коричневого цвета отступает назад вверх и выступает наружу вниз. Нижняя часть этой стены сильно разрушена. Заметны следы того, как ее скоблили и пытались разбить. Еще ниже расположен узкий наклонный проход, по которому можно пройти к нише. Ширина навеса - 3,6 м.

Надписи нанесены на фронтальной и левой стене ниши и на потолке навеса. На фронтальной стене только на левой стороне черной тушью написаны китайские, тибетские, уйгурские и монгольские буквы и нарисованы изображения. На поверхности изображений сохранились следы красной краски. На левой стене и на потолке тоже есть фон для надписей, но эти поверхности резко отличаются от фронтальной стены качеством скалы, поскольку их они не гладкие, а шершавые из-за отслаивания скальной породы. Это создавало для пишущих неудобства при нанесении туши. Поэтому и зрительно и качественно фронтальная стена лучше, чем другие поверхности, пригодна для нанесения букв.

Мы проводим расшифрованные иероглифы в виде таблицы, номера в которой совпадают с номерами, показанными в каждом рисунке. Сначала посмотрим на фронтальную стену. Написанные на ней иероглифы (исключая человеческие изображения) можно разделить на 7 групп.

В 1 группу входят тибетские буквы, расположенные параллельно слева направо, эти буквы обозначают известное заклинание "Люцзы-даймин-чжоу" (Шесть слогов молитвы), особенно распространенное в северном буддизме. Оно читается слева направо "Ом мани пад-ме ум" (на санскрите: om maṇi padme hum) и переводится: "Ох, почтенный драгоценный камень мани на лотосе, ум!" Вертикальные и короткие две линии, которые расположены перед левой начальной буквой и после правой конечной буквы, со схематическими облачками, показывают знак членения или заглавия (Jaschke H.A., 1993, p.607).

Это заклинание произносят, когда тибетские буддисты просят бодхисатву послать им мирную смерть. В тибетском буддизме оно считается источником счастья, добродетели и ума. Если люди напишут его где-нибудь и будут постоянно иметь при себе или хранить дома, то они смогут освободиться от боли, вызванной жизнью и смертью, т.е. осуществить нирвану. Слово в заклинании установлено в сутре "Дичэн чжуан-янь баовань цзин" (в 13 томах), которая была переведена в конце 10 в. эзотерическим бонзой Тянь Си-цзай Юаньской династии, приехавшим в Китай из Индии (Такэмура М., 1995, с.123-124). Сейчас оно часто встречается в памятниках Южной Сибири, особенно после реабилитации буддизма во второй половине 90-годов прошлого века.

По сравнению с другими иероглифами, написанными на этой поверхности, по качеству и степени сохранности туши, эта надпись не соответствует им, особенно китайским иероглифам. Поэтому мы считаем их написанными после китайской надписи.

2 и 3 группу составляют монгольские и уйгурские буквы, которые написаны четырьмя и одной строками. Автор не имеет возможности расшифровать надписи на этих языках, поэтому при дальнейшем изучении мы хотим поручить их прочтение специалистам по этим языкам.

4 группа состоит из четырех строк китайских букв. Написание иероглифов начинается справа сверху, а заканчивается слева внизу вертикальными строками. Первоначально первая строка была составлена из 14, вторая - из 8, третья примерно из 10, а четвертая - из 4 букв. Все буквы написаны в основном способом цао-шу или син-шу, т.е. полускоростно или скорописно, что, наверное, заставило писавшего писать более простым почерком. По сравнению с кай-шу (иероглифическим уставом), их немного труднее читать. Если транскрибировать их и давать им шрифты, то они показаны в таблице (группа 4).

Что касается букв 16, 17, 26, 29, 30, 31, то пока еще трудно точно определить, какие формы они имеют, так как варианты таких форм, как буквы 16 и 17, можно очень долго перечислять.

Дальше номера показывают те иероглифы, которые представлены в каждой группе в каждом рисунке, а белые круги в рисунках - те иероглифы, которые уже исчезли из-за различных разрушений поверхности скалы, включая искусственные повреждения, несмотря на то, что в оригинале должны были быть написаны какие-то буквы. Сначала мы истолкуем их буквально, а затем переведем. В первой строке слово "чжи(1) чжэн(2)" - это название года периода царствования Шунь-ди (императора Шунь) (1341-1367 гг.)

династии Юань. "Ши(3)" значит десять (десятый), "ци(4)" - семь (седьмой), а "нянь(5)" - год, поэтому они вместе обозначают 17-й год. Этот год соответствует 1357 году по христианскому летосчислению. Кстати, "чжи(1)" переводится буквально "доходить", а "чжэн(2)" - "справедливость". По размеру буква "сы(6)" написана больше чем буква "юэ(7)", к тому же вторая почти соприкасается с нижней части первой, так как писавший слишком близко написал из-за дефицита удобного места для нанесения тушью. "Сы(6)" - это четыре, а "юэ(7)" - месяц, значит, они буквально указывают на апрель, но этот месяц написан по старому календарю, то есть в современном календаре он соответствует маю. "Нянь(8) ба(9) жи(10)" - это 28-й день. В этом случае буква "нянь" написана в старом и традиционном иероглифическом варианте, а нижняя часть почти стерлась. После них написан термин из четырех иероглифов: "Син(11) Шу(12) ми(13) юань(14)", который характерен для административной системы древнего и средневекового Китая, особенно для Юаньской династии. Об этом термине будет подробнее сказано дальше, в связи с остальными терминами, использованными в других приложениях.

Среди 8 букв во второй строке мы можем прочесть 6 букв, за исключением второй и третьей буквы. Здесь написано название храма, т.е. "Бао(18) я(19) чи(20) сы(21) цун(22)": "Бао-я-чи" - название храма, "сы" - храм, а "цун" - заросли, собрание или сбор. Обычно в монгольских названиях имена собственные показаны адекватно произношению двух языков, поэтому "бао-я-чи" можно переводить со средневекового монгольского языка. Не исключено, что буква 16 составляет часть букв, использованных в названии храма, но, к сожалению, из-за плохой сохранности пока трудно определить, какие это буквы.

В четвертой строке "Ли(23) бу(24)" - это название органа управления по делам чиновников, а именно одного из центральных министерств, которое занималось набором, награждением и наказанием чиновников. По буквам, написанным после этого административного термина, можно предположить, что они написаны для объяснения людям, которые относились к этому управлению. Кстати, буква "цзы (25)" переводится как "рвение", а "вань(27)" как "кривой" или "изогнутый", но они вряд ли имеют буквальное значение. Кроме этого, буква "цян(28)" использована как предлог, прямо обозначающий "перед". Буквы в четвертой строке хорошо сохранились, также как и в первой строке. "Ли(32)" - это фамилия, а "Ли(33) инь(34)" - имя. "Ши(35)" буквально означает род, но здесь оно используется как слово вежливости при фамилии. Обычно фамилия и имя людей писались не только с выражением уважения, но и с указанием на должность. Так, оказывается, что человек, который называет себя "Ли Ли-инь", принадлежал управлению Либу.

Итак, хотя некоторые буквы китайских иероглифов совершенно исчезли, краткое и обобщенное содержание надписи можно выразить так: "28-го апреля (по современному календарю мая) в 17-ом году года "Чжи-чжэн" (буквально: год, доходящий до справедливости - 1357 г.) при царствовании императора Шунь (имя при жизни: Тогонтемура), из государственного учреждения Син Шумиюань,....храм "Баоячи". Чиновник управления Либу, господин Ли Ли-инь".

Возможно, написал эти иероглифы тушью не сам чиновник Ли Ли-инь, а какой-то переписчик, который работал в учреждении Син Шумиюань и сопровождал его.

Но почему же этот чиновник приходил сюда? Ответ на этот вопрос, как нам кажется, зависит от интерпретации иероглифа "яо(15)", первой буквы во второй строке. Форма этого иероглифа образована вариативно. Обычно его значение такое же, как и иероглифа,

который сейчас используется с произношением "сяо" или "сюэ" в значении "резать", "скоблить" или "строгать". Но пока неизвестно, что следовало "скоблить" (Лэн Юйлун, Вэй Исинь и др., 1994, с.58).

6 группа тоже может быть связана с группой 5, так как в обеих группах буквы написаны толстой кистью и одним и тем же почерком, хотя здесь невозможно показать рисунок из-за неясной фотографии. Это значит, что иероглифы обеих групп были написаны одновременно сверху вниз одной строкой и более толсто, чем другие.

7 группа расположена на левой боковой стене ниши. Здесь мы смогли вместить только 4 строки иероглифов, которые также были написаны продольно сверху книзу и справа налево. Среди них всего 9 иероглифов, которые можно пока расшифровать (таблица, гр.7, рис.8). Первые два иероглифа указывают на имя человека, но верхнюю половину первого иероглифа (1) трудно точно определить из-за разрыва скалы, но все-таки по второму иероглифу "гуань(2)" легко можно догадаться, что это имя бонзы. Третий иероглиф(3) обозначает слово "сюда", а четвертый "чжи(4)" - "дошел" или "пришел". Значит, некий бонза пришел сюда. Среди иероглифов из второй, третьей и четвертой строк есть несколько слов, значение которых можно понять. Иероглифы "фэй(7)" обозначает "летать", "чи(8)" - "крылья", а форма иероглифа "цзу(9)" представляет собой один из устаревших вариантов иероглифа, имеющего значение "нога", но место в графе для транскрипции остается пустым, так как неизвестно, как произносили его в то время. "Ма(10)" - это "конь", а "юи(11)" - это какой-то футляр с луком и стрелами, который у северных народов крепили к конской упряжи. В результате анализа особенностей почерка становится ясно, что тот, кто писал эти китайские иероглифы, совсем не относился к тем людям, которые писали на других стенах. Примечательно, что здесь написаны только слова, которые связаны с впечатлением о посещении этой ниши, а не о каких-то административных терминах, которые встречаются на других стенах. Именно поэтому можно представить себе, как один бонза, в имени которого содержится иероглиф "гуань", пришел в эту священную нишу и написал тушью свою мечту о посещении, заполняя пустое место на левой стене, поскольку фронтальная стена уже была заполнена изображениями и иероглифами, которые были сделаны до этого. Но все-таки одних этих иероглифов, конечно, недостаточно, чтобы уточнить все содержание написанного здесь. Но использование таких иероглифов, как "фэй(7)", "чи(8)", свидетельствуют о том, что с таким настроением он пришел, вероятно, издалека.

Теперь переходим к рассмотрению надписи на потолке. Параллельно наружному краю навеса ниши справа налево продольно написано больше 40 иероглифов, из которых мы смогли восстановить 17 на основе данных, полученных путем фотосъемки, с дальнейшим воспроизведением фотографий на компьютере. Иероглифы каждой строки транскрибированы в таблице (группа 8, рис.9). Здесь надпись начинается в том же стиле, что и в группе 4 на фронтальной стене. Первые 5 иероглифов также показывает год. Значит, название года то же самое, что и в группе 4, и отличается от него только годом "ши(3) ба(4)", т.е.18-м. 6 иероглифов после них почти невозможно прочесть. Здесь должны были написаны число и месяц. Потом можно прочесть два иероглифа, - "цы(12)" и "ци(13)". Первый обозначает "начинать", "поднимать", "выдвигать" или "строить", а второй - тот же самый, что и иероглиф 3 в группе 7 (рис.8). Во второй строке мы смогли прочесть лишь 3 иероглифа (15-17). По значению "цян(15)" - это "тысяча", "ху(16)" - "двор", "семья", "хозяйство", "со(17)" - "место". Все вместе они составляют один из административных терминов, характеризующих социальную структуру Юаньской династии. В третьей строке должно было быть более 9 иероглифов, но из них расшифровано только 5 (24-28). Они сохранились лучше и яснее, чем другие иероглифы этой поверхности.

Сочетание двух иероглифов - "чжи(24) ши(25)" обозначает государственных служащих, которые были непосредственно подчинены начальникам разных органов. Как правило, их могли отнести к любому органу. За этим термином написаны фамилия и имя чиновника "Ли(26) Чжэ(27) ши(28)". То, что фамилия "Ли" та же, как и у чиновника в группе 4(32-35), позволяет нам с большой вероятностью считать, что речь идет об одном и том же роде.

В 9 группе содержится буддийское изображение. Это изображение было восстановлено с помощью различных фотографий, сделанных нами в разных погодных условиях (в том числе фотографии в инфракрасных лучах).

Несмотря на плохую сохранность, можно объяснять некоторые характерные особенности этого памятника. Статуя изображает сидящего человека, руки которого сложены вместе, но при этом ладони обращены наружу. Имеются атрибуты, характерные для буддийских статуй: на левом запястье - браслет, который называется "вань чуан", на голове - повязка, поддерживающая головной убор, на левом плече - полоска материи, которая, как правило, бывает надета от левого плеча к правой подмышке, на колене - "чан", ткань в виде юбки. Статуя сидит на облаке и листьях лотоса, скрестив ноги. По обе стороны от статуи изображены облака в виде лент, горизонтально тянущихся с чуть легкими изгибами. Их линии похожи на линии иероглифов, поэтому даже чувствуется элементы одного из штрихов, гладкого, без заминки.

Такие черты общие для всех буддийских статуй. Но какой же вариант буддийских статуи был выбран здесь в качестве сюжета? Конкретно ответить на этот вопрос трудно, но с точки зрения канонов искусства можно предположить, что это вариант ламаистской буддийской статуи, например, статуи бодисатвы Мондзю (воплощение высшей мудрости: санскр. Manjustrī), образцы которых хранятся в музеях Пекина, Санкт-Петербурга, Стокгольма и других городов мира (Танака К., 1999, с.325-332).

3. Суммируя вышеизложенное, мы можем предварительно наметить пути дальнейшего исследования.

Прежде всего, необходимо отметить, что сама эта ниша относится к одну из вариантов храма типа грота, которые получили распространение в ареале буддийской культуры в Азии. Исходя из наших практических наблюдений, можно сказать, что по размеру и стилю ниша Бижикиг-Хая, похожа на буддийскую нишу Рокутан-дзи (храм Рокутан), которая находится в горе Нидзё-сан (гора Нидзё) за городом Осака в Японии, о которой говорят, что она появилась под влиянием континентального буддизма. Ниша эта имеет прямоугольную форму шириной 3,1 м, высотой 1,7 м и глубиной 0,4 м. На фронтальной стене вырезаны контуры трех статуй Будды Нёрай (санскр. Tathagata-garba). Она была создана в 8 в.н.э. в скалистой горе путем выдалбливания. Здесь перед нишей расположена площадь с тринадцатиярусной башней. В основном весь комплекс, включая башню, был создан выдалбливанием скалы. Значит, сама ниша осталась не просто нишей, а явилась частью всего храмового комплекса (Цубой Р., 1922, с.207-208).

Известно, что неглубокие ниши сооружали, или вручную вырезая в скале, или используя естественные углубления в скалах. Не только в буддийских, но и в индуистских памятниках Индии, Афганистана и Китая хорошо известны настоящие большие храмы типа грота (Сайто Г., 1999, с.389-392). А такие неглубокие ниши маленького размера, как Бижикиг-Хая, Рокутан-дзи и другие, отличаются от них. Но, несомненно, то, что они

появились на периферии ареала буддийской культуры в основном под влиянием распространившейся традиции сооружения их в древности и средние века.

В случае с нишей Бижиктиг-Хая создается впечатление, что там была сооружена только сама ниша. Но нам кажется, что слово "цун" из выражения "сы(21)-цун(22)" в группе 4 на фронтальной стене было специально добавлено к "сы", так как там, кроме ниши, были еще какие-то сооружения, входившие вместе с нишей в целый храмовый комплекс, который называется "Бао(18) я(19) чи(20) сы(храм)", как в Рокутан-дзи в Японии. Именно поэтому слово "сы", имеющее значение "собрание" или "сбор, как нам кажется, обозначает весь храм как совокупность сооружений. И мы предполагаем, что вокруг ниши могли существовать и следы других памятников археологии, имеющих отношение к этому храму. Так или иначе, для этого необходим дополнительный осмотр места.

При обсуждении проблемы датировки каждой надписи и изображения надо обращать внимание на степень сохранности светотени туши и расположение каждой группы иероглифов и изображения. По нашим наблюдениям, сначала почти в центре на фронтальной стене была нарисована статуя бодисатвы (группа 9). Затем появилась китайская надпись группы 4, а после почти одновременно возникли монгольская (группа 2) и уйгурская (группа 3) надписи. А через год на потолке опять была создана китайская надпись (группа 8). Судя по степени сохранности туши, тибетская надпись (группа 1) считается самой поздней. Пока точно невозможно установить очередность появления других надписей, но, несомненно, то, что, по крайней мере, до нанесения тибетского заклинания все они уже были написаны, хотя надпись группы 7 была сделана после групп 2-3, как уже было показано выше.

Если попытаться привести в порядок полученные данные, то возникает два вопроса: является ли 1357 год датой открытия храма или дата открытия храма отличается от даты нанесения надписи в 1357 году? Выше мы уже писали, что иероглиф "яо"(15 в группе 4) имеет значение "резать", "скоблить" или "строгать". В первом случае можно считать, что во время возведения храма стену ниши вырубili лишь частично, воспользовавшись естественным углублением, хотя до сих пор говорят, что она совершенно естественная. А во втором случае можно считать, что на левой части, на фронтальной стене, т.е. там, где находятся надписи групп 2-3, было нанесено еще что-то рядом с изображением бодисатвы в центре. Потом, т.е. в 1357 году его "соскоблили", а поверх нанесли надписи групп 2-3. Но как нам все-таки кажется, что разница во времени между этими событиями не такая уж большая.

В Юаньской династии после Хубилая были созданы два органа, которые занимались совершением буддийского благодеяния (Гундэшисы, созданный в 1280 г. и Яньцинши, созданный в 1284 г.). Но Яньцинши был отменен в 1329 г. из-за значительного религиозного произвола. Но служение заупокойной службы все-таки продолжалось в том или ином виде под руководством государственного учреждения Сюаньчжэньюань, имеющего дело с контролем ламаизма и администрацией в Тибете (Ногами С., 1928, с.1-10). Поскольку открытие храма в Бижиктиг-Хая тоже имело отношение к буддийским благодеяниям, то такие государственные учреждения должны были руководить этим религиозным действием через провинциальные органы. Но на скале написано название военно-административного органа Со Шумиюань, а не название вышеуказанных органов. Почему так произошло? Чтобы найти причину этого, прежде всего, нужно сделать общий обзор исторической ситуации, сложившейся после Хубилая, так как мы считаем, что причина кроется именно в ситуации того времени.

4. После смерти Чингис-хана у его потомков усилилось стремление к основанию своих империй, и между ними участились конфликты. Такое политическое положение не позволяло кому-то одному безраздельно господствовать на громадном пространстве, населенном многочисленными народами с разными традициями и культурой. Когда Хубилай-хан вступил на престол, как первый император династии Юань, противостояние между его государством и четырьмя ханствами еще больше обострилось. Хубилай продолжил китаизацию своей династии, создав название года правления (Чжунтун), название государства (Да Юань) и перенес свою столицу из Харакорума в Даду (совр. Пекин). Бюрократическая структура была устроена вокруг военной администрации (Шунмиюань) и финансовых органов (Шаншушэн), которые поддерживали монархию диктатора, приняв за основу политическое направление, характерное для династий после Сунского периода. Монголы заняли важные посты в государственной службе, а представители западных народов оказывали им помощь. В ведомстве разместили даргачей (наместников), наследовали военную службу, в которой основную часть составляли монголы, и почти закрыли систему назначения на пост на государственной службе путем способа Кэцзюй (экзамены на государственную должность). В результате того, что аристократическая политика была далека от действительности, в политической жизни страны наметился кризис, который стимулировал распад династии Юань. Такие признаки появились уже во время царствования второго императора Чэнсян, а затем всего за 20 лет один за другим сменилось шесть императоров. Внутреннее положение страны характеризовалось беспорядками, узурпацией власти и дворцовыми интригами аристократов и вассалов, а чиновники были недостойными своих мест. Поэтому распад династии Юань у монголов объясняется тем, что она попала в клещи между аристократией и китайцами (Отаги М., 1988, с.20-29).

Для управления местными кочевниками центральной властью были организованы провинциальные органы Син. Однако, несмотря на это, такая система привела, с одной стороны, к дальнейшему упадку власти монгольских феодалов на северо-востоке Монголии, а с другой стороны, к относительному усилению северо-западных ханств и племен. Так, например, в 1360 году монарх по линии бывшего императора Оготая-хана начал военные действия на северо-западе Монголии и угрожал последнему императору Юаньской династии Шунь (Отаги М., 1988, с.133-144).

Таким образом, на стене скалы Бижиктиг-Хая надписи были сделаны именно в разгар такой политической ситуации накануне распада этой династии. Провинция, включающая Бижиктиг-Хая, конечно, находилась на нестабильном положении, и потому военно-административные органы Со Шумиюань вынуждены были прямо связываться и с буддийским благодеянием.

Кстати, административные термины, которые мы можем подчеркнуть из надписей на стене ниши, помогают нам узнать, какие органы власти существовали при Юаньской династии. Для того чтобы управлять центром и провинциями, была организована система, ядро которой состояло из четырех элементов - администрации, военной администрации, инспекции и финансов. Военную администрацию этой системы возглавлял орган Шумиюань, сохранившийся в том же виде, что и в предыдущий период У дай (Пяти династий), когда номинально власть принадлежала наследным принцам, а фактически управляли заместители министра, занимавшиеся военными секретами, отбором военных служащих гвардии и т.д. В провинциях в определенных местах временно были назначены провинциальные органы (Син Шумиюань), которые управляли не только военной администрацией, но и отдавали приказы по армии.

В центре охраны императоров и обороны столицы, гвардия из армии монголов, западных народов и китайцев, были организованы десять Цяньхусо (тысяч дворов), главами которых были 10 тысячников (минган) под предводительством командиров-темников (тумэн). В провинциях к северу от долины Хуанхэ поставили гарнизоны монголов и по монгольскому войсковому принципу организовали десятитысячные, тысячные и сотенные фу (округа), которыми руководили монголы, даргачи (наместники), темники, тысячники и сотники. Но во время правления Юаньской династии военно-административные единицы Ценьхусо постепенно стали выполнять другие функции (одни из примеров которого приведен в надписи на потолке ниши).

Мы считаем, что чиновник Ли Чжэ, упомянутый в надписи на потолке, был начальником одного из органов "Ценьхусо" и имел в подчинении тысячу дворов, находясь в должности, которая называется "Чжи-ши". А чиновник Ли Ли-инь, о котором написано на фронтальной стене, тоже принадлежал сектору "Ли-бу" при провинциальном военно-административном управлении "Син Шу-ми-юань", хотя из-за утраты надписи стало непонятно, какую должность он тогда занимал. Памятуя о том, что обычно перед названиями таких организаций помещают географические названия подчиненных территорий, нельзя забывать о том, что в то время современная территория Тывы находилась в ведении провинции "Лин-бэй". Именно поэтому упомянутое название управления "Син Шумиюань" указывает на провинциальное управление "Лин-бэй Син Шумиюань", управлявшее северной частью территории Юаньской династии рядом с прежним управлением "Линбэй Синшэн".

Итак, на скале Бижиктиг-Хая сохранилась ценная информация о событиях средневековой истории. Пока мы выяснить всю историю тех мест не можем, однако данные из Бижиктиг-Хая проливают свет на проблемы проникновения буддизма накануне распада Юаньской династии; соотношения Бижиктиг-Хая с другими буддийскими комплексами, включая буддийскую нишу в горе Сюме близ устья р. Чаа-Холь; управления северо-западными от Харакорума территориями в конце правления этой династии (о чем почти не сказано даже в летописи "Юань-ши") и так далее. Пока же мы хотим ограничиться этими предварительными сведениями, полученными в полевых условиях, и желаем, чтобы скальный массив Бижиктиг-Хая сохранился в будущем, в качестве одного из заметных свидетельств северного предела распространения средневекового тибетского буддизма.

Литература

1. Грач А.Д. Археологические исследования в Западной Тыве // Краткие сообщения Института Этнографии. - М.,-Л. 1955. - Вып.23.
2. Грач А.Д. Петроглифы Тывы. (Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции) // Сборник музея антропологии и этнографии. - М. -Л., 1957. - Т.17.
3. Дэвлет М.А. Петроглифы Енисея. - М., 1996.
4. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Саяно-Алтайская Экспедиция // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. - М.-Л., 1949. - Вып.26.
5. Кызласов Л.Р. История Тывы в средние века. - М., 1969.
6. Н.А.Jascke A Tibetan-English Dictionary. - Киото, 1993 (на англ.яз.).
7. Лэн Юйлун, Вэй Исинь и др. Чжунхун Цзыхай (Китайский иероглифический словарь). 1994 (на кит.яз.).
8. Меньхен-Хелфен О. Туба кико (Путевые записки Тывы). - Токио, 1996 (на яп.яз.) (Перевод кн. Menchen-Helfen O. Reise Ins Asiatische Tuwa, 1931).

9. Ногами Сюньдзё Гэн но кудокусиси ни цуйтэ (О Гундэшисы (органа совершения благодеяний) при династии Юань) // Сина Буккё сигаку (Журнал истории китайского буддизма). - Токио, 1928. - Т.6. - ©2 (на яп.яз.).
10. Отаги Мацуо Гэнтёси сорон (Общий очерк истории Юаньской династии // Отаги Мацуо Полное собрание сочинений. - Токио, 1988. - Т.4. - С.19-27 (на яп.яз.).
11. Отаги Мацуо Гэн но тюгоку сихай то канминдзоку сякай (Господство династии Юань в Китае и общество китайцев) // Отаги Мацуо Полное собрание сочинений. - Токио, 1988. - Т.4. - С.133-173 (на яп.яз.).
12. Сайто Тадаси Сэкуцу дзин но кэнкю (Изучение храмов гротового типа). - Токио, 1999 (на яп.яз.).
13. Такэмура Макио Буддизм династий Сунь и Юань // История буддизма (Серия по истории религий мира в 12 томах). - Токио, 1995. - Т.2 (на яп.яз.).
14. Танака Кимиаки Юаньская династия и буддийское искусство Тибета // Сэкай Бидзюцу Дайдзэнсю. Тоёохэн (Большое всемирное собрание искусства Востока). - Токио, 1999. - Т.7 (на яп.яз.).
15. Цубой Рёхэй Суйкодзацуруку (Записки о древностях). - Осака, 1922 (на яп.яз.).

Благодарности

Пользуясь случаем, я выражаю искреннюю признательность директору Института археологии и этнографии СО РАН А.П.Деревянко, который пригласил меня - энтузиаста-любителя археологии в Сибирь. Он до сих пор предоставляет мне возможность проводить исследования в разных местах Сибири и познакомил меня со многими добрыми и целеустремленными сибиряками-археологами; В.Д.Кубареву, который неоднократно помогал мне ценными советами в исследовании истории Сибири и познакомил меня с журналом "Древности Алтая"; Н.В.Леонтьеву, который первым сообщил мне о существовании надписей в Бижиктиг-Хая; М.В.Траштевичу и Р.А.Данзын, которые много заботились обо мне во время экспедиции в Тыве; Н.Г.Сендаш, А.М. и Н.М.Саая и другим местным жителям, которые предоставляли мне ночлег, помогали в работе у скалы. И.А.Геннадьевне, которая проверяла русский язык моей статьи. И, наконец, я искренне благодарен В.И.Соёнову за приглашение принять участие в этом номере.

Рис. 1

Рис. 2

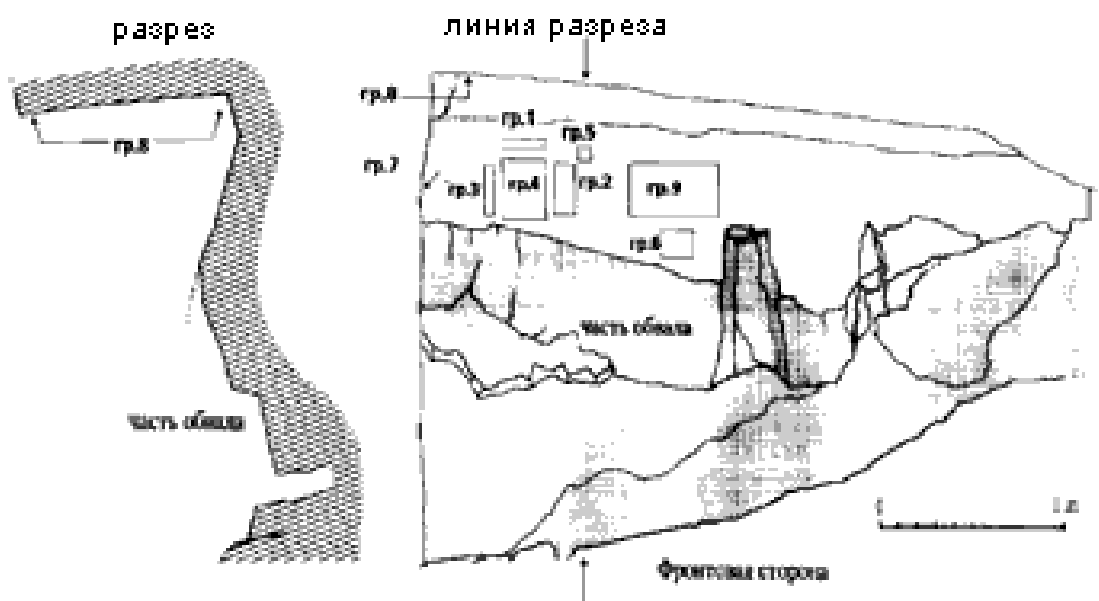

Рис.3

ॐ ॥ श्री गणेशाय नमः ॥

至正元年...
 剎...
 更部...
 寺...
 ...
 ...
 ...

Рис.4

唵 ॥ 唵 嘛 呢 叭 彌 吽 ॥

1 2 3 4 5 6 7

Fig.5

至 1
 正 2
 十 3
 七 4
 年 5
 里 6
 八 7
 日 8
 行 9
 行 10
 行 11
 行 12
 行 13
 行 14
 到 15
 部 23
 部 24
 部 25
 部 26
 部 27
 部 28
 部 29
 部 30
 部 31
 部 32
 部 33
 部 34
 部 35
 寺 20
 寺 21
 寺 22

Fig.6

Рис.7

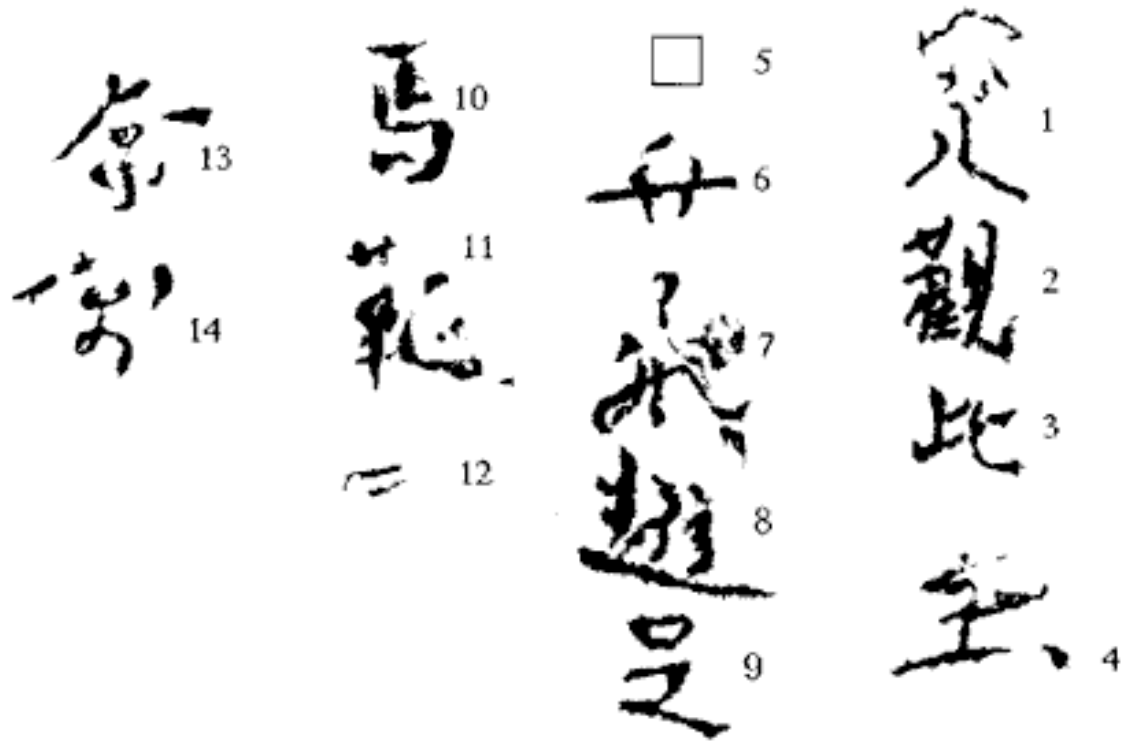

Рис.8

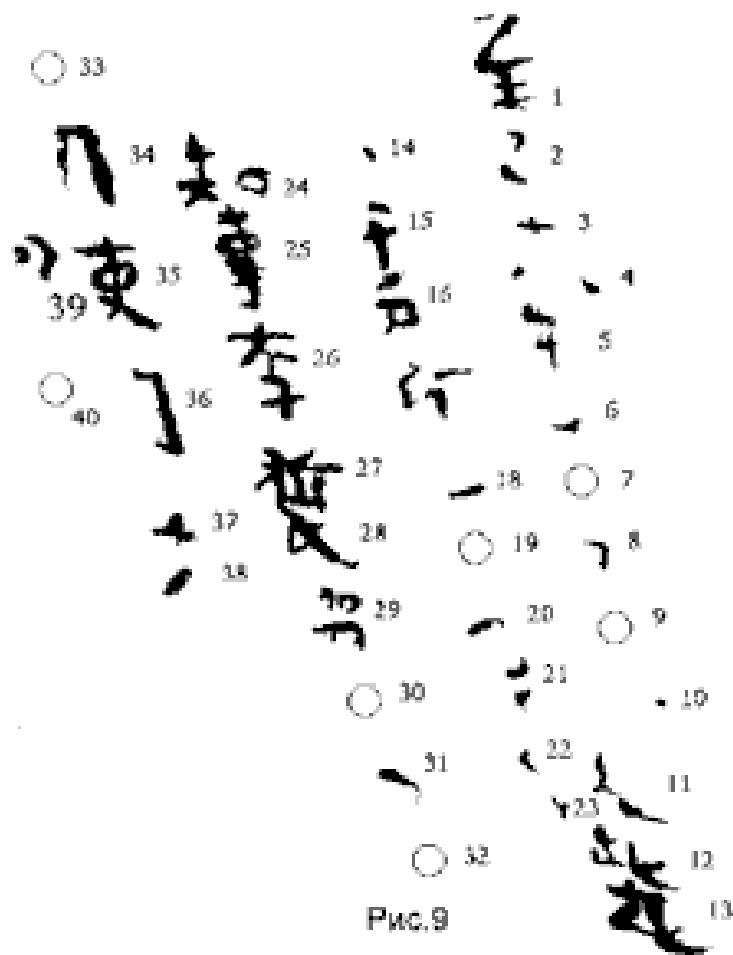

Рис.9

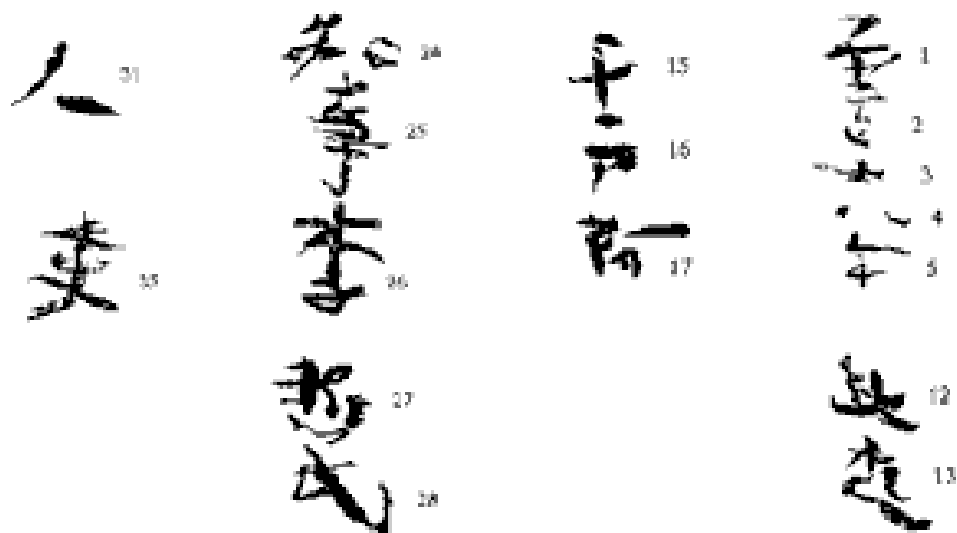

Рис.10

FIG. 11

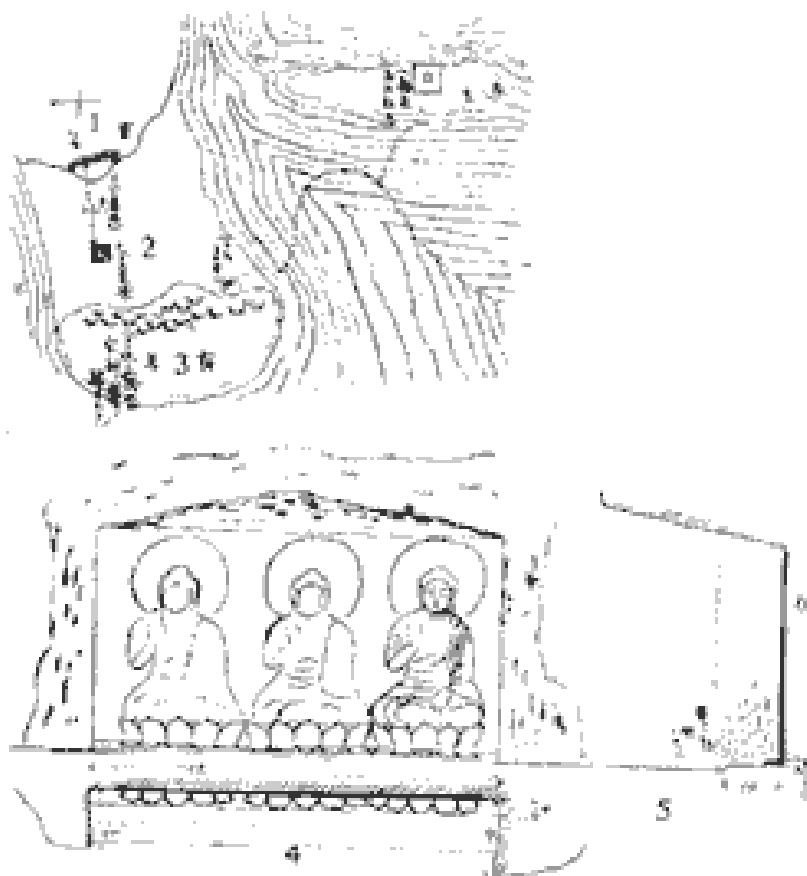

FIG. 12

